

ЛИТОВСКИЙ ДОСТОЕВСКИЙ РЕТРОСПЕКТИВНЫМ ВЗГЛЯДОМ: К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

Маргарита Варлашина

Вильнюсский университет

*Ты тот, кто пишет, и тот,
кто является написанным.*

Edmond Jabes

В предисловии к своему последнему роману Ф. М. Достоевский заметил, что «можно бросить книгу и с двух первых страниц первого рассказа, с тем чтоб и не раскрывать более. Но ведь есть такие деликатные читатели, которые непременно захотят дочитать до конца, чтобы не ошибиться в беспристрастном суждении».

Выступить в роли такого «деликатного читателя» книги Эяны Червинскене *Достоевский*¹ меня побудил рекламный анонс, обнаруженный в Интернете. Несколько рекламно-антирекламных строк рекомендовали ее «любителям <...> биографий, жаждущим поковыряться в жизни и творческих импульсах известного писателя»². И утаивали, что это – всего

лишь переиздание книги, опубликованной в давно канувшем в Лету 1971 г. Тогда, почти сразу после поступления книги в продажу, появилось несколько рецензий в литовской периодике. Литературовед Витаутас Кубилиус оценил предложенный читателям абрис русского писателя как «удовлетворительный»³, другой рецензент, Винцас Кузмицкас, оказался более благосклонным и предложил «хорошо»⁴. Ныне ко второму изданию книги рецензент Александрас Мажримас был предельно строг и определил ее как «старый товар в новой упаковке»⁵. При этом у каждого рецензента был свой ракурс прочтения и разные оценочные критерии.

В контексте последней вышеназванной рецензии вспоминается мысль достоевсковеда Malcolm'a V. Jones'a о том, что, «может быть, следовало бы <...> зафик-

¹ Elena Červinskienė, *Dostojevskis*, Vilnius: Margi raštai, 2004, 295 p. (2-oji laida). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

² http://www.culture.lt/lmenas/index.php?leid_id=3007&kas=straipsnis&st_id=4997 (См.: 2004, июнь). Здесь и далее перевод с литовского языка мой – М.В.

³ Vytautas Kubilius, “Knyga apie Dostojevskį”, *Pergalė*, 1971, Nr. 11, p. 169–171.

⁴ Vincas Kuzmickas, “Štrichai portretui”, *Literatūra ir menas*, 1971, Nr. 46(1303), p. 9.

⁵ Aleksandras Mažrimas, “Nauja pakuotė senai prekei”, *Literatūra ir menas*, 2004, Nr. 44(3025), p. 4–5.

сировать период времени, после которого авторы не могут обоснованно считаться вполне ответственными за написанное ими»⁶. В этой фразе необходимо обратить особое внимание на выражающее модальность слово *вполне* (т.е. *совершенно, полностью*), которое парадоксальным образом одновременно демонстрирует сомнение и неуверенность американского исследователя в правильности утверждаемого им, и позволяет снять бремя абсолютной исследовательской ответственности за свой текст, часть его переложить на объективное: на жизненные обстоятельства, на культурную традицию, на эволюцию науки *etc.* Вводное словосочетание *может быть* впечатление невозможности ответить однозначно усиливает еще больше. Однако попытаться найти ответ стоит всегда.

Так что же сегодня – тридцать с лишним лет спустя после выхода из печати литовской книги *Достоевский* – можно сказать о ее повторном «рождении», не вступая при этом в открытую полемику с вышеназванными рецензентами и надеясь, что временная дистанция позволит дать непредвзятый ответ⁷? Думается, для начала следует вспомнить, что мог сказать и о чем не смел говорить в те далекие годы автор книги о Достоевском. И вкратце напомнить, сколько раз вследствие особой, уникальной судьбы «рождались» Достоевский и его творчество.

Общеизвестно, что на Семеновском плацу в морозное утро 22 декабря 1849 г.

⁶ Малкольм В. Джоунс, *Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского* (пер. с англ. яз.), Санкт-Петербург, 1998, с. 11.

⁷ Такая попытка общего характера была предпринята автором статьи в литовской периодической печати: “Lietuviška knyga apie Dostojevskį”, *Naujoji Rotuva*, 2004, Nr. 4(549), p. 86–87.

Достоевский, уже попросившийся с жизнью⁸, после оглашения замены смертной казни четырьмя годами каторги и шестью – солдатчины, родился как бы во второй раз. «Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках. <...> Жизнь – дар, жизнь – счастье»⁹, – именно такими словами подытожил он свой неповторимый, исключительный опыт этого дня по осознанию смысла жизни в ней самой. А ведь этот «спектакль», тщательно подготовленный по приказу Николая I, – объявить о помиловании лишь после совершения обряда смертной казни – пережили не все: в ожидании последнего «Пли!» сошел с ума Н. П. Григорьев; а еще раньше, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости – В. П. Катенев. Там же в камере № 9 «захороненный» Достоевский сначала думал, что «трех дней не выдержит», но, начав писать *Детскую сказку (Маленького героя)*, одно из самых светлых своих произведений, «вдруг совсем успокоился»¹⁰. Менее известно, что по истечении этих долгих лет заключения он, «бывший

⁸ Перед казнью Достоевский «был несколько восторжен, вспоминал “Последний день осужденного на смерть” Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: “Nous serons avec le Christ” – “Un peu de roussières”, – отвечал тот с усмешкою», – вспоминает Ф. Н. Львов и М. В. Петрашевский в «Записке о деле петрашевцев. (Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского)», *Литературное наследство*, Москва, 1956, Т. 63, III, с. 188. [Перевод: «Мы будем вместе с Христом» – «Горстью праха»].

⁹ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений: В 30-ти тт.*, Ленинград, 1972–1990. Т. XXVIII кн. 1, 1985, с. 164. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: римской цифрой обозначается том, арабской – полуголом и страница.

¹⁰ Вс. С. Соловьев, «Воспоминания о Ф. М. Достоевском», *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2-х тт.* Москва, 1990, Т. 2, с. 212.

государевый преступник»¹¹, свое дальнейшее пребывание вне столичной литературной жизни и общения воспринимал как совсем неподъемное: «Если печатать не позволят еще год – я пропал. Тогда лучше не жить!» (XXVIII кн. 1, 253), «Тяжело мне жить здесь [в Твери – М. В.]. Приняться ни за что не могу <...>; время уходит...» (XXVIII кн. 1, 376) и надеялся, вернувшись в Петербург, «воскреснуть» (или «родиться» заново), готовился к повторному литературному «крещению»... И так же мало кому известно, что творчество Достоевского, ныне пользующееся всеобщим читательским интересом, претерпело в России в XX-ом веке не менее самого писателя в веке XIX-ом.

Проявления неприязни, поверхностного понимания творчества Достоевского можно проследить еще при жизни писателя. Амплитуда мнений российских критиков о его произведениях даже в пределах одного лагеря колебалась от восторга (в 40-е и 60-е гг. для В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева он был «гуманным талантом» и выразителем прогрессивных идей) до хулы («жестокий талант» и «ретроград» – для П. Н. Ткачева и Н. К. Михайловского в 80-е гг.). Парадигма мнений менялась в зависимости от состояния общественной мысли, от изменения ее социального пафоса. При этом без должного внимания оставался основной стержень творчества

Достоевского – проблема свободы vs не-свободы личности.

(Понимание творчества Достоевского в этот период не отличалось глубиной и за пределами России. Например, в 1886 г. французский критик Е. М. de Vogüé в книге *Le roman russe* охарактеризовал талант Достоевского как «явление могущественное <...>, исключительное по самобытности и силе», но при этом отказал в гениальности по причине отсутствия «чувства меры и всеобщности»¹². Такого же мнения – «Достоевский – но в меру» – Т. Манн будет придерживаться даже в середине XX века, хотя в целом западные суждения о значении творчества Достоевского существенно изменятся еще в 20-е гг.)

Основу для последующего официального полузапрета произведений Достоевского в эпоху советской России заложил М. Горький – своими еще дореволюционными статьями (1905 г., 1913 г.). (Отчасти способствовал этому и Д. С. Мережковский, противопоставивший Достоевскому Льва Толстого и тем самым разрушивший нравственно-философское единство русской литературы.) Выступления Горького против увлечения «карамазовщиной» в 1902 г. предварили Михайловский, который заметил интерес символистов к творчеству Достоевского («звезда Достоевского <...> вновь загорается»¹³) и пытался этому воспрепятствовать. Однако его статья не приобрела такого значения, как суждение Горького, ставшего после 1917 г. мэтром новой пролетарской литературы. Конечно, во-

¹¹ Так о себе самом пишет Достоевский в письме-прошении на имя императора Александра II, в котором просит «дозволить <...> переехать в С. Петербург для пользования советами столичных врачей. Воскресите меня и даруйте мне возможность с поправлением здоровья быть полезным <...> хоть чем-нибудь моему Отечеству!» (XXVIII кн. 1, 386).

¹² Мельхиор де Вогюэ, *Современные русские писатели: Тургенев, Достоевский, Толстой*, Москва, 1888, с. 63, 64.

¹³ Н. К. Михайловский, *Последние сочинения*, С.-Петербург, 1905, Т. II, с. 298.

прос Горький–Достоевский далеко не прост и не однозначен¹⁴, конечно, были и другие хулители Достоевского, но мнение Горького из-за его приближенности к власти, к Сталину, было решающим – оно могло погубить, могло и возвысить. На Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г., т.е. в самый разгар становления советской системы политической цензуры с ее установкой на идеологическое руководство художественной культурой и контроля над ней, а также над издательской деятельностью¹⁵, Горький прочитал доклад о советской литературе и необходимости борьбы с Достоевским во имя правильного ее развития¹⁶. Этот доклад, через день опубликованный в *Правде*, стал началом продолжавшегося два десятилетия официального цензурного запрета на единственного из писателей-классиков – Достоевского. Последствия запрета проявились и при издании его произведений, и при их исследованиях¹⁷.

Реабилитация Достоевского¹⁸ продвигалась вперед «юбилейными этапами»,

¹⁴ См.: Ю. К. Герасимов, «Союзники по “преодолению” Достоевского: М. Горький и Д. Мережковский. Статья 1: М. Горький», *Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15*, Санкт-Петербург: 2000, с. 27–43.

¹⁵ См.: Т. М. Горяева, *Политическая цензура в СССР, 1917–1991*, Москва, 2002, с. 218, 183.

¹⁶ См.: *Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934: Стенографический отчет*, Москва, 1934, с. 5–18.

¹⁷ О работах этого периода см.: Vladimir Seduro, *Dostoevski in Russian Literary Criticism: 1846–1956*, New-York, 1957; Temira Pachmuss, “Soviet Studies of Dostoevsky: 1935–1956”, *Slavic Review*, Vol. XXI, 1962, p. 709–721.

¹⁸ Реабилитация, как известно, является юридическим актом, осуществляющим отмену судебного приговора и восстановление в прежних правах. И хотя в отношении Достоевского это касалось лишь его творчества, тем не менее употребляем это слово в прямом, а не в переносном смысле, без кавычек, исходя из соображения, что если бы он был жив в те годы, то, по меньшей мере, был бы сослан куда-нибудь на Колыму, в концентрационные советские лагеря.

первый из которых «выпал» на 1956 год – год 75-летней годовщины со дня смерти писателя. В *Правде* накануне дня его смерти (9 февраля) появилась большая, по-видимому, редакционная (автор не указан) статья о великом писателе – Ф. М. Достоевском¹⁹. Это событие совпало по времени с XX съездом КПСС (14 февраля), где впервые была дана официальная критика культа личности Сталина, послужившая для интеллигенции «сигналом для пересмотра многих историко-культурных и идеологических проблем»²⁰. Сразу после съезда в периодической печати появились выступления, направленные против партийности искусства и принципов социалистического реализма. Например, на страницах *Литературной газеты*, выходившей тогда три раза в неделю, почти в каждом номере давался полемический материал, так или иначе затрагивающий эту тему. В рамках этой статьи важно отметить вовлеченность в дискуссию руководителя научных исследований Червинскене академика Н. К. Гудзия²¹ и его выступление по вопросам теории литературы; он встал на защиту дореволюционной академической литературоведческой науки, приведя в пример деятельность Ф. И. Бушлаева и

¹⁹ «Великий русский писатель: К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского», *Правда*, 1956, № 37 (13700), с. 3, 4.

²⁰ Т. М. Горяева, Указ. соч., с. 309.

²¹ В 1954–1957 гг. Э. П. Червинскене училась в аспирантуре Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Н. К. Гудзий (1887–1965), академик, профессор кафедры Истории русской литературы МГУ, был руководителем ее научной работы. В 1959 г. Червинскене защитила диссертацию «Драматургия Л. Н. Толстого» на соискание степени кандидата филологических наук. Н. К. Гудзий всегда оставался самым большим авторитетом для Э. П. Червинскене (*Прим. ред.*).

А. Н. Веселовского, подчеркнул, что они были далеки «от политических задач, которым служила передовая русская общественность», не шли «в ногу с революционными демократами» и выявил «присущий им высокий эстетический вкус и высокую культуру художественного анализа памятников литературы и искусства»²². В это же время складывалась и тенденция заменить ставшую нормой опорой на труды Сталина трудами Ленина: «В последние пятнадцать-двадцать лет на литературоведении отрицательно сказывались последствия культуры личности. Слишком мало обращались ученые к сокровищнице ленинских идей. Глубокое изучение и разработка ленинского наследия позволят поднять все советское литературоведение на уровень самых высоких теоретических требований»²³. Тогда же в *Литературной газете* появилась и особого воздействия не оказавшая статья В. Турбина, направленная против принятой в советском обществе «юбилейщины» в отношении русских классиков (в качестве примера были даны имена Лермонтова, Тургенева, Лескова) как «ущемляющей изучение истории литературы»²⁴.

Изменению политики по отношению к наследию Достоевского во многом способствовало решение Бюро Всемирного Совета Мира «о чествовании в 1956 году памяти великих представителей мировой науки, литературы и искусства», к кото-

рым был причислен и Достоевский²⁵. (В научной и литературной среде долго был популярен анекдот о том, что правильным ответом на вопрос «Когда родился Достоевский?» является ответ «В 1956 году»). Тогда, почти сразу после XX съезда, на прилавках книжных магазинов для многих неожиданно появился очерк *Ф. М. Достоевский*, изданный очень большим для того времени тиражом в 85 тысяч экземпляров. Автором этой книги был В. В. Ермилов, партийно-литературный функционер 30-50-х гг., всю жизнь придерживавшийся провозглашенного им еще в 1930-м г. «диалектико-материалистического творческого метода»²⁶, один из лидеров кампании против творчества Достоевского, и одновременно – «тонкий и хитрый дипломат» (С. Шешуков). В этой книге Достоевский наконец-то был охарактеризован как величайший гуманист и реалист, не лишенный, тем не менее, «разных противоречий». Вослед появилась другая книга под таким же названием другого лидера кампании против Достоевского, инициатора запрета *Бесов* – Д. И. Заславского, а также был издан сборник статей *Достоевский в русской критике*, состоящей из отрывков сочинений официально признанных авторов. В учебниках стали появляться главы о Достоевском.

²⁵ «Закрытие сессии Бюро Всемирного Совета Мира», *Известия*, 1955, № 245 (11934), с. 3.

²⁶ «Азбучно понятно, что только невоспитанный дикарь <...> может призывать к “низвержению”, скажем, Генриха Гейне... *Учитесь у кого угодно*, но учитесь так, чтобы находить у данного писателя то, что поможет созданию диалектико-материалистического творческого метода, – вот основное, что говорим мы пролетарским писателям в вопросе об использовании наследия». В. Ермилов, *Наши творческие разногласия*, Москва, 1930, с. 12. (Цит. по: С. Шешуков, *Неистовые ревнители*, Москва, 1984, с. 283.)

²² «Забытые имена», *Литературная газета*, 1956, № 139 (3640), с. 3.

²³ Б. Мейлах, «Великое наследие», *Литературная газета*, 1956, № 48 (3549), с. 3.

²⁴ «О юбилейщине», *Литературная газета*, 1956, № 59 (3560), с. 3.

Следует, однако, сказать, что еще за год до книги Ермилова в литературном офи-
циозе появилась странная для того времени
«сентиментально-слащавая» (С. В. Белов)
статья В. Д. Бонч-Бруевича «Ленин о
книгах и писателях: Из воспоминаний»,
в которой хитроумно переплетались та-
кие, казалось бы, несовместимые утверж-
дения: Ленин «беспощадно осуждал <...>
реакционные тенденции творчества Дос-
тоевского», называл его «архискверным»
писателем, но «вместе с тем <...> не раз
говорил, что Достоевский действительно
гениальный писатель», что он «в общем
и целом <...> ценил талант Достоевс-
кого»²⁷. По-видимому, именно эту ста-
тью и следует расценивать как первую
робкую попытку частичной реабилитации
Достоевского, что косвенно, по принципу
ab contra, подтверждает и следующее
замечание Белова: «статейка <...> является
абсолютной ложью, так как <...> вождь
большевиков не только не принимал на
дух Достоевского, но и вообще читал
только “Записки из Мертвого дома” и
“Преступление и наказание”»²⁸.

Именно так – «стараниями» столпов
сталинской эпохи – после многих лет
официальной травли начался длительный
процесс реабилитации Достоевского, и их
книги, написанные языком эпохи – под-
черкнуто социологическим и вульгарно-
марксистским, надолго определили границы
знания о Достоевском, официально до-
зволенные широкому читателю в тот
период. В 1957 г. вышла книга В. Б. Шклов-
ского *За и против. Заметки о Достоевском*,

²⁷ *Литературная газета* 1955, № 48 (3393), с. 2.

²⁸ «Творческая жизнь в 155 лет», *Слово*, 2002,
№ 6 (http://www.hrono.ru/slovo/2002_06/) (См.: 2004,
июнь).

в которой ее автор уже не стал повторять
двадцать три года тому назад на Первом
съезде писателей высказанное им «как
наследником человечества» в поддержку
доклада Горького требование судить
Достоевского «как изменника»²⁹ револю-
ции. (К чести Шкловского следует ска-
зать, что два десятилетия спустя он от-
крыто признает, что тогда «был не
прав»³⁰.) В 1959 г. наконец-то появился
подготовленный к изданию еще в 1935 г.
последний, четвертый, том *Писем пи-
сателя*; вскоре вышел двухтомник *Воспо-
минаний о Ф. М. Достоевском*, несколько
популярных очерков о его жизни и
творчестве – так творчество Достоевского
постепенно вновь становилось не только
объектом тщательного историко-лите-
ратурного изучения³¹, но и все более
доступным для широких читательских
кругов с их индивидуально-субъектив-
ными оценками.

Самым значительным событием после-
сталинского периода, недолгой хрущевс-
кой «оттепели», которая «практически не
отразилась на государственной системе
цензуры»³², стало переиздание в 1963 г.

²⁹ *Первый всесоюзный съезд ...*, с.154.

³⁰ Виктор Шкловский, «Съезд писателей», *Новый
мир*, 1984, № 8, с. 239.

³¹ О работах этого периода см.: Robert L. Belknap,
“Recent Soviet and Criticism on Dostoevskij: Review
Article”, *The Slavic and East European Journal*, 1967,
Vol. XI, No. 1, p. 75–86. Библиографию русских и со-
ветских работ этого периода см.: Аюпджанова В. В.,
Белов С. В., Коган Г. В., Пономарева Г. Б., *Ф. М. Дос-
тоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевс-
кого и литературы о нем: 1917–1965*, Москва, 1968;
С. В. Белов, «Библиография произведений Ф. М. Дос-
тоевского и литературы о нем: 1966–1969», *Достоевский
и его время*, Ленинград, 1971, с. 322–356; С. В. Белов,
«Произведения Ф. М. Достоевского и литература о
нем: 1970–1971», *Достоевский. Материалы и
исследования*. Т. 1, Ленинград, 1974, с. 305–338.

³² Т. М. Горяева, Указ. соч., с. 311.

под другим названием переработанной и дополненной книги М. М. Бахтина *Проблемы творчества Достоевского*. Своим появлением в 1929 г. это исследование Бахтина на шесть лет отодвинуло начало официального запрета на творчество Достоевского³³, а «спасла» тогда книгу, вышедшую полгода спустя после ареста ее автора, вполне доброжелательная (были и иные) статья-рецензия А. В. Луначарского «О “многоголосости” Достоевского»³⁴. Яркой характеристикой кратковременного периода «ослабления» в культурной и политической жизни страны является свидетельство В. В. Кожина о том, что второе издание книги Бахтина, посвященной по преимуществу поэтике творчества Достоевского, он «“пробивал” <...> в течение почти трех лет»³⁵. А ведь книга была переработана автором, и цензурный момент, как и в первом издании, был учтен. Поэтому при анализе критической литературы данное Бахтиным объяснение «простоя» в исследовании поэтики Достоевского выглядело так: «В последующие два десятилетия, то есть в 30-е и 40-е годы, проблемы поэтики Достоевского отступили на задний план перед другими важными задачами изучения его творчества. Продолжалась текстологическая работа, имели место ценные публикации черновиков и записных книжек к отдельным романам Достоевского, продолжалась

работа над четырехтомным собранием его писем, изучалась творческая история отдельных романов», «В последнее десятилетие литература о Достоевском обогатилась рядом ценных синтетических работ (книг и статей), охватывающих все стороны его творчества (В. Ермилова, В. Кирпотина, Г. Фридендера, А. Белкина, Ф. Евнина, Я. Билинкиса и других). Но во всех этих работах преобладают историко-литературные и историко-социологические анализы творчества Достоевского и отраженной в нем социальной действительности»³⁶. Однако эту характеристику, правдоподобную на первый взгляд, как совершенно истинную воспринимали только наивные читатели, не посвященные во все «тонкости» русского советского достоевковедения. Как тут не вспомнить Достоевского, утверждавшего, что «в России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический» (XXI, 119)...

В деле реабилитации Достоевского поистине крупным событием стал следующий юбилей писателя – 150 лет со дня рождения. В официальном докладе, прочитанном Б. Л. Сучковым 11 ноября 1971 г. в Большом театре на торжественном заседании, посвященном юбилею Достоевского и напечатанном в *Правде*, наконец-то были сказаны и реабилитирующие *Бесов* слова: в романе «о ложных путях общественной борьбы» писатель высказался «против своеволия и аморализма личности»³⁷. А в Литве к этому времени весь тираж книги Червинскене о Достоевском был уже распродан и рецензии опубликованы.

³³ Это мнение А. С. Долинина, на которое ссылается в своей статье Elena Dryzhakov (Е. Н. Дрыжакова): <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/06/067.shtml> (См.: 2005, январь).

³⁴ *Новый мир*, 1929, кн. 10. См. также: *Достоевский в русской критике*, Москва, 1956, с. 403–429.

³⁵ Вадим Кожин, *Россия. Век XX (1939–1964)*, Москва, 2002, с. 350, 429.

³⁶ М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва, 1963, с. 50, 52.

³⁷ «Великий русский писатель», *Достоевский – художник и мыслитель*, Москва, 1972, с. 15, 19.

В юбилейные дни все еще продолжалась подготовка к изданию *Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского* в 30-ти томах. Год спустя появился первый том, сопровождаемый развернутой редакционной «сентенцией», в которой Достоевскому приписывались «предвидения» того, что «русский народ своим братским примером поможет другим народам в общем движении человечества к свободе и счастью», которые и «претворила в жизнь Великая Октябрьская социалистическая революция» (I, 6). Эти строки предисловия к академическому изданию до сих пор искажают результаты раздумий Достоевского, его сомнений и прозрений, которые для России оказались несравненно более актуальными, чем для всего остального мира: в романе *Бесы* устами Липутина писатель огласил масштабы последствий возможного социального передела страны – «больше чем сто миллионов голов» (X, 77). А ведь еще в 1959 г. Б. С. Рюриков дал вполне верную характеристику Достоевского: «Писатель-гуманист, всем сердцем желавший народу лучшей жизни, тяжело переживавший его лишения и беды, был полон страстного сочувствия к труженикам, страдавшим от невыносимой кабалы. Но, желая довольства и счастья своему народу, он в то же время отвергал пути революционной борьбы за это счастье, отвергал революционное социалистическое учение, связанное с материализмом и атеизмом, и искал спасения в религии, проповедуя смирение и покорность»³⁸. Так в советской России Достоевский претерпел

³⁸ Б. Рюриков, «Достоевский в последние годы жизни», Ф. М. Достоевский, *Письма*, Москва, 1959, т. IV, с. VII.

такую же «эволюцию», как и в царской России, однако в обратном порядке: из «изменника революции» (30–40-е гг.) он превратился в «писателя-гуманиста» (50–60-е гг.). Несколько позже стали часто цитировать следующее высказывание Достоевского из *Дневника писателя* за 1873 г.: «*Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности» (XXI, 129), что, по-видимому, со временем должно было превратить его в «мечтателя о революции», тогда как еще в 1926 г. Н. А. Рожков отстаивал мнение, что «Достоевский, и будучи петрашевцем, не был ни революционером, ни социалистом: он просто чувствовал гнет старорежимной полицейщины и искал выхода. Как искатель он являлся и на собрания Петрашевского <...> и жестоко поплатился за это, в сущности, совершенно невинное, нимало не разрушительное искательство»³⁹. Об этом писал и П. П. Семенов-Тянь-Шанский, знавший Достоевского в ту пору «искательства», встречавшийся с ним в послекаторжный период в Семипалатинске: «*Революционером* Достоевский никогда не был и не мог быть, но, как человек чувства, мог увлекаться чувствами негодования и даже злобою при виде насилия, совершаемого над униженными и оскорбленными»⁴⁰. Именно об этом чувстве сопереживания, о чуткости к чужим страданиям, выраженном в характерном для Достоевского стремлении оказать помощь, свидетельствует и единственное хранящееся в

³⁹ Цит. по: Н. Ф. Бельчиков, *Достоевский в процессе петрашевцев*, Москва, 1971, с. 89.

⁴⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «Из *Мемуаров*», Ф. М. Достоевский в воспоминаниях..., с. 301.

Научной библиотеке ВУ письмо писателя⁴¹.

В том же 1971 г. должен был выйти и приуроченный к юбилею писателя сборник в целом интересных для того времени статей, который, однако, из-за долгого «хождения по цензурным мукам» (более года – против стандартной «нормы» в три-четыре месяца) появился лишь в самом конце 1972 г., «украшенный» предисловием о том, что «наибольший вклад в изучение жизни и творчества Ф. М. Достоевского вносит советское марксистско-ленинское литературоведение, владеющее методологическим ключом к познанию идейно-художественного содержания его бессмертных творений», о чем и «свидетельствует вся полувековая история изучения Достоевского в стране победившего социализма»⁴². Необходимо заметить, что по требованию цензуры в редакционные предисловия часто вносились добавления именно такого характера.

(Тем временем давно существовавшие за пределами России общества Ф. М. Достоевского в том же 1971 г. объединились в Международную ассоциацию, в работе которой СССР вплоть до 1989 г. официально не участвовал; решение о создании такого общества в России было принято лишь в мае 1990 г. на проходивших в Старой Руссе V Всесоюзных чтениях «Достоевский и современность». В том же 1971 г. в немецком курортном городе Бад Эмсе, где неоднократно лечился Достоевский, состоялся Первый

международный симпозиум, посвященный писателю, и начал издаваться журнал *Dostojevsky Studies*.)

Еще через несколько лет вышла первая книга серии *Достоевский. Материалы и исследования*, задуманной как «своеобразный “спутник” академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского». По сути, с первого тома этого издания, открывавшегося символической по своему названию статьей Д. С. Лихачева⁴³, и началось серьезное проникновение советского достоевковедения в пласты творчества писателя, хотя делалось это все еще с оглядкой на «власть предрешающих». Следующая юбилейная дата – 100-летняя годовщина со дня смерти Достоевского (1981 г.) – почти полностью «раскрепостила» исследователей его творчества; и если некоторые из них еще и писали о «необходимости марксистской методологической основы для изучения наследия Достоевского», то, в основном, делали это по инерции.

Этот краткий экскурс в историю реабилитации Достоевского дает возможность выявить своеобразие книги Червинскене *Достоевский*, более четко расставить ее плюсы и минусы и одновременно дополнить ее некоторыми деталями.

В книге Червинскене нет (и не было в первом издании 1971 г.) ни одной из охранительно-заклинательных формулировок вышеуказанного типа, встречавшихся в работах о Достоевском и много позже, в том числе и среди изданных в

⁴¹ E. Červinskienė, “F. Dostojevskio laiškas VVU bibliotekoje”, *Kultūros barai*, 1971, Nr. 11, p. 62. (Это письмо В. М. Каченовскому: XXX кн. 1, 228, 384).

⁴² *Достоевский – художник и мыслитель*, с. 3.

⁴³ «В поисках выражения реального», *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 1, Ленинград, 1974, с. 5.

Литве, где цензурный гнет, хотя и несколько иного характера, был не слабее центрального, российского⁴⁴. В тот период в Литве, как и в метрополии, «каждое свободное, недогматическое слово, рассуждение подвергалось цензуре, изымалось из изданий»⁴⁵. Поэтому можно предположить, что включенные в книгу Червинскене сетования писателя по поводу повести *Господин Прохарчин* – «Цензура так обкромсала, что от повести остался лишь остов»⁴⁶ (57) – отразили и опасения исследователя относительно участи собственной книги о Достоевском. Ведь даже десятилетие спустя после выхода этой книги литература и наука о ней часто имели оттенок прикладного характера, поскольку все еще были зависимы от властных структур и цензуры. В 1980 г. В. Трумпа, обозревая достижения ученых Вильнюсского университета в связи с 400-летием вуза, отметил, что в силу господства «марксистско-ленинской догмы» «наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в сфере изучения литературы, социологии, философии» и что «улучшения тут вскоре не произойдет. Эти науки вне свободы нормально развиваться не могут. А ведь маленькая страна посредством именно этих наук могла бы быть наравне с большими странами»⁴⁷.

⁴⁴ См.: “Apie knygas, vietos ir epochas”, *Knygų aidai*, 2005, Nr. 2, p. 16–19.

⁴⁵ *Vilniaus universiteto istorija: 1579–1994*, Vilnius, 1994, с. 304. Ср. также: Т. М. Горяева: «<...> целые главы были вычеркнуты, ход мыслей был изменен» (Указ. соч., 345).

⁴⁶ Об этом Достоевский писал брату так: «“Прохарчин” сильно обезображен <...> Все живое исчезло. Остался только скелет того, что я читал тебе. Оступаю от своей повести» (XXVIII кн. 1, 126).

⁴⁷ V. Trumpa, “Vilniaus universiteto jubiliejaus derlius”, *Metmenys*, 1980, Nr. 40, с. 189.

Именно поэтому применительно к тем временам следует говорить о свободе vs несвободе художественного творчества и его исследований. Емкую фразу В. Рубавичюса, сказанную о художниках, позволено применить и к исследователям литературы: «Честный художник вынужден был создать зону творческой свободы. И в этом ему по-своему “способствовала” господствующая идеология», потому что «идеология насилия сама собою заставляла художника сознательно выбирать свободу»⁴⁸.

Червинскене удалось создать такую собственную зону творческой свободы и спасти свою книгу от «цензурных ножиц» благодаря отлично усвоенному уроку по теме *как перехитрить цензуру*, преподанному А. С. Долининым всем достоевоведам в 1947 г., когда его книга *В творческой лаборатории Достоевского*, мимикрически затесавшись в поток многочисленных «научных штудий» о том, «как работали классики», и ввиду своего безобидного, почти стандартного для той эпохи названия⁴⁹, проскочила сквозь «цензурные силки». И книга Долинина, и тогда же появившиеся книги В. Я. Кирпотина о Достоевском вызвали «гнев критиков-сталинистов Заславского и Ермилова»⁵⁰, тогда как Бахтин из всех книг 30–40-х гг. выделил труд Долинина как «очень ценную работу»⁵¹. Конечно,

⁴⁸ Vytautas Rubavičius, *Neįvardijamos laisvės ženklas: straipsniai, esė, recenzijos*, Vilnius, 1997, p. 47.

⁴⁹ См.: Е. Добренко, *Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры*, Санкт-Петербург, 1999, с. 395.

⁵⁰ Г. М. Фридендер, «Достоевский в эпоху нового мышления», *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 9, Ленинград, 1991, с. 5.

⁵¹ М. Бахтин, Указ. соч., с. 50.

в книге Долинина была отдана дань менталитету «людей с советской идеологией»: есть в его книге и цитаты из Горького о герое Достоевского как о «социальном дегенерате», есть и упоминание имени Маркса, и даже такой пассаж как «вера в “смысл коммунизма”, радостное принятие “современных социальных идей”»⁵², представляющий собой сложное переплетение из цитат подготовительных материалов и текста романа. Все это было вкомпоновано в текст с целью усыпить бдительность цензоров и способствовало стремлению автора сквозь «игольное ушко» подготовительных материалов к роману *Подросток* «протащить» философские и религиозные идеи и раздумья Достоевского, рассказать о них в контексте его творчества. Вследствие таких хитроумных «манипуляций» исследователю удалось благополучно провести книгу сквозь «цензурный строй» и опубликовать тиражом в 10 тысяч экземпляров.

Таким же «щитом» из имен основателей официальной марксистско-ленинской идеологии советского государства воспользовалась и Червинскене, что позволило ее книге, как ранее книге Долинина, пройти цензуру. (Спустя четырнадцать лет такие же защитные меры все еще использовал Г. М. Фридлендер в своей книге *Достоевский и мировая литература*, Л., 1985.) Ныне при переиздании книги Червинскене имя Ленина, дважды вкомпонованное в текст, было изъято, в то время как имена Маркса и Энгельса остались (193, 209). Однако о

таком редакторском «улучшении» текста (т.е. до сих пор существующем на практике редакторско-цензурном субъективизме) издательство не сочло нужным сообщить своим читателям. Поэтому для наглядности восстановим текст Червинскене полностью по первому изданию книги: «Известие о том, что в западной части империи – в Польше, Литве, Белоруссии – началось восстание, достигло столицы России. В критические дни [как подчеркнул В. Ленин, честь русской демократии спас] Герцен [Он] поддержал повстанцев <...>» (118; 1-ое изд.: 131); «“Достоевскиаду” – культ страданий, принижение роли разума, соотнесение нравственности с религией, любовование духовными и физическими аномалиями сурово осудил [В. Ленин,] М. Горький и другие прогрессивные мыслители, одновременно признавая гениальность Достоевского» (241–242; 1-ое изд.: 268). Этот «щит» позволил Червинскене избежать добровольно-обязательных для того времени «подпорок» своего текста высказываниями из трудов основоположников марксизма-ленинизма, а также утверждений о «литературоведческом всемогуществе» основанной на такой идеологии методологии.

Бесспорно, такое решение проблемы вынужденной идеологической ангажированности делало книгу привлекательной для читателей 70-х гг., однако сейчас наличие или отсутствие имени Ленина в этих двух фразах по сути ничего не меняет, т.к. в контексте переосмысления литературно-идеологических процессов такое изложение материала само по себе является неполноценным, отражает наличие отдельных глубоко укоренившихся

⁵² А. С. Долинин, *В творческой лаборатории Достоевского*, [Ленинград], 1947, с. 7, 18, 24, 25.

в советском дostoевсковедении штампов. Червинскене осознавала ущербность подобных словесных конструкций и пыталась их «смягчить», свести на «нет». В частности, процитированное выше рассуждение она завершила так: «Однако те, которые стремятся тенденциозно раздуть, превратить в догму реакционность идей мировоззрения и творчества русского писателя, забывают о том, что, прежде всего, в них сомневался сам Достоевский и своею собственной жизнью и творчеством опровергал их» (242).

Некоторые из штампов, на которые «натякаешься» при чтении и которые порою преодолеть трудно и по сей день (о чем и свидетельствует редакторская правка), связаны с романом Достоевского *Бесы*. И это закономерно. В советской России роман *Бесы* был издан лишь однажды – в 1922 г., позже негласно запрещен. А попытка издательства Academia издать роман в 1935 г. двумя отдельными книгами завершилась печально: тираж даже первой книги полностью не был осуществлен, издательство *de facto* перестало существовать. Не вышел и тогда же подготовленный Долининым том *Писем*, в котором была представлена корреспонденция писателя за 1878–1881 гг. В одном из писем этого тома к Н. А. Любимову Достоевский, вспомнив сразу после публикации романа *Бесы* высказанные ему Ткачевым, Михайловским и др. обвинения в искажении действительности и в клевете на молодое поколение, написал: «В “Бесах” было множество лиц, за которые меня укоряли как за фантастические, потом же <...> они все оправдались действительностью, стало быть, верно были угаданы» (XXX кн. 1,

63). Добавим: «угаданы» столь верно, что в 30-е гг. в случае доноса за одно лишь чтение этого романа грозили репрессии⁵³! *Бесы* через тридцать с лишним лет были переизданы лишь в 1957 г. – и то только в *Собрании сочинений* писателя, а отдельной книгой не издавались вплоть до начала 90-х гг. Советские исследователи долго или обходили этот роман молчанием, или предлагали вариации на тему его служения «реакционерам всех толков и мастей в борьбе против революции и социализма»⁵⁴; и лишь в 1990 г. книга Л. И. Сараскиной «*Бесы*»: роман-предупреждение показала возможность совершенно иного – религиозно-философского – его прочтения.

Тогда, в 1971 г., Червинскене отважилась не только довольно пространно рассказать широкому кругу литовских читателей об этом произведении Достоевского, практически для них неизвестном (отдельные фрагменты *Бесов* в переводе на литовский язык были опубликованы в периодической печати досоветской Литвы в 1931 г., а полный перевод романа появился лишь в постсоветское время – в 1997 г.), но и кратко прокомментировать в религиозно-философском ключе, раскрыть, что использованные писателем тексты Священного Писания существенны для понимания идейно-философской концепции романа, системы его образов. А ведь в ту эпоху вследствие политики тотального официального атеизма, когда на страницах солидных литературно-художественных

⁵³ См.: Ю. Карякин, *Достоевский и канун XXI века*, Москва, 1989, с. 204.

⁵⁴ М. Гус, *Идеи и образы Ф. М. Достоевского*, Москва, 1971, с. 408.

журналов появлялись разного рода анти-религиозные материалы, например, достаточно часто на страницах либерального *Нового мира* 60-х гг., рассматривать произведения Достоевского через призму библейских текстов было рискованно, – как известно, система цензурных запретов являлась одним из методов борьбы по искоренению религиозного мышления. По сходной причине сложно было рассматривать и другие философские аспекты творчества Достоевского. Тем не менее, Червинскене отчасти это сделать удалось. В частности, в романе *Бесы* исследователь увидела «своеобразный синтез памфлета и философского романа» (195), кратко изложила суть религиозно-философских воззрений Достоевского, а данное ею разъяснение основной нравственно-философской мысли романа *Преступление и наказание* удивляет не только своей лаконичностью и убедительностью, но и пересечением с некоторыми утверждениями Э. Фромма, изложенными им в работе 1964 г. *Die Seele des Menschen: ihre Fähigkeit zum Guten und zum Bösen*⁵⁵.

Книга Червинскене основывалась на тех же самых фактах о жизни и творчестве Достоевского, что и все другие книги о писателе, однако не была похожей ни на одну из них – эта книга была (и есть) поистине литовской книгой о Достоевском, что никаким образом не связано с «присвоением» писателя, хотя факт происхождения рода Достоевских

⁵⁵ Эрих Фромм, «*Душа человека. Ее способность к добру и злу*», Э. Фромм, *Душа человека*, Москва, 1992, с. 19: «Главной опасностью для человечества является не изверг или садист, а нормальный человек, наделенный необычайной властью».

из пинских земель Великого Княжества Литовского и упоминается. Червинскене, у которой были свой индивидуальный взгляд и свое индивидуальное понимание личности и творчества не только Достоевского, но и Чехова, Толстого⁵⁶, подытоживая свою жизнь, написала в *Воспоминаниях*: «Рассказывая о великих писателях, говоря словами их героев, я провозглашала великие вечные истины, насаждала в юных сердцах любовь к родине, к своему языку, говорила о красоте жизни, уважении к человеку, покое, мире, согласии между всеми народами и вероисповеданиями»⁵⁷. Эти слова в наибольшей мере относятся к ее книге о Достоевском, истоки которой лежат в определенной схожести судеб – его, писателя, и ее, филолога (ссылка в Алтайский край, 1941–1948 гг.).

Тема Сибири, каторги и ссылки вводится буквально с начальных строк книги Червинскене: «Необозримые просторы той прекрасной земли в царской России были превращены в тюрьму. Словно зловонные чирьи то там, то здесь виднелись высокими столбами огороженные крепости, у рек ютились поселения ссы-

⁵⁶ В 1980 г. в МГУ Э. П. Червинскене защитила диссертацию «Внутреннее единство и системность творчества писателя (Ф. М. Достоевский. Л. Н. Толстой. А. П. Чехов)» на соискание степени доктора филологических наук. В 1984 г., когда «изучению были подвергнуты докторские диссертации, защищенные и утвержденные ВАК СССР в течение пяти лет (с 1 февраля 1978 г. по 1 февраля 1983 г. – *Ред.*), времени, достаточного для того, чтобы сделать какие-то определенные и обоснованные выводы о них», «в числе новаторских по тематике» была названа и диссертация Червинскене. См.: *Вопросы литературы*, 1984, № 7, с. 272. (*Прим. ред.*).

⁵⁷ Елена Червинскене, *Сила слабых: Воспоминания*, Москва, 1999, с. 202. (Пер. с лит. А. Кондюриной). См. также: Elena Červinskienė, *Silpnųjų jėga: Atsiminimai*, Vilnius, 1995, p. 253–254.

льных» (6). Каторга становится основным референтом всего послекаторжного периода жизни и творчества Достоевского. При этом *Записки из Мертвого дома* особо актуализируются как «итог многолетних, исключительно напряженных размышлений»⁵⁸ писателя. Червинскене наглядно показывает читателю, как все эти долгие годы Достоевский размышлял о соотношении религии и нравственности, веры и безверия, любви к ближнему и бессмертия души, как воссозданные позже в *Записках из Мертвого дома* картины каторжной жизни незаметно перерастали в обобщение всего существующего режима, приобретали актуальное общественное звучание: «“Самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят <...>. Человек и гражданин гибнут в тиранинстве навсегда <...>. К тому же пример, возможность такого своеволия действуют и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна” [IV, 154]» (78). Свой рассказ о «мертвом доме»-каторге как о месте захоронения живых людей, которых закон, лишая свободы, одновременно лишает и звания человека, так как «обезличивает» их, Червинскене завершает выявлением главной идеи *Записок*... – идеи свободы личности: «Тюрьму он называет мертвым домом потому, что здесь нет главного элемента настоящей жизни – свободы» (75). В уникальности «документа, ставшего шедевром искусства» (79), Червинскене увидела значение *Записок из Мертвого*

⁵⁸ Е. П. Червинскене, «Свобода личности в мире идей Достоевского», *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 4, Ленинград, 1980, с. 69.

дома и подтвердила это мнением Толстого: «Лучшая книга во всей русской литературе, включая и Пушкина», объяснила, что «такой выбор Толстой обосновывал тем, что “сердце у Достоевского большое”, что он “глубокий” <...> и совершенно независимый писатель» (247). (Книга Червинскене содержит и вкрапленные в изложение другие сопоставления Достоевского и Толстого, основанные, чаще всего, на малоизвестном материале.)

Подбор цитатного материала из текстов Достоевского, осуществленный Червинскене, его компоновка и подача в ее книге столь индивидуальны, что часто несколько строк, фрагменты произведений писателя приобретают оттенок своеобразного обобщения особенностей современного ей режима. Примером могут служить приведенные Червинскене размышления Достоевского о значении родного языка для русских людей и последующий ее комментарий. В этом случае ее перевод цитаты не точен, является своеобразной квинтэссенцией главы «Русский или французский язык?» из *Дневника писателя* за 1876 г.: «Подчеркивая значение родного языка, он рассуждал: “<...> человек мыслит непременно на каком-нибудь языке. Чем лучше знаешь язык, тем мысль красочнее. Оригинальность мысли, национальный характер и сокровыты в родном языке. А остается он живым для человека, гово-

⁵⁹ Так сжато Червинскене, по-видимому, пересказала следующие фразы: «<...> человек <...> мыслит непременно на каком-нибудь языке. <...> Понятно, что чем гибче, чем богаче, чем многообразнее мы усвоим себе тот язык, на котором предпочли мыслить, тем легче, тем многообразнее и тем богаче выразим на нем нашу мысль. <...> надо непременно еще с детства перенимать его от

рившим на нем с детства»^[59]. Однако этой им самим утверждаемой закономерности Достоевский не хотел теперь применять к поработанным царем народам, словно основываясь на мудрости времен рабства: *Quod licet Iovi, non licet bovi*» (203). Таким образом в книге Червинскене обозначилось противостояние существующему тоталитарному режиму с его установкой вытеснения родного, литовского, языка на периферийное место в иерархии ценностей нации. Тема Литвы затронута в этой книге еще несколько раз, в частности, в виде косвенно проводимой мысли об ее независимости – включенный в книгу эпизод о начавшемся в Польше, Литве и Белоруссии восстании служил именно этой цели: Герцен «<...> поддержал повстанцев, объяснял русским, что восставшие против царизма народы борются не только за свою свободу, но и за свободу русских. В статье “С кем Литва?” Герцен предупреждал поляков, что в программе их борьбы должно быть признание за Литвой права на свободное самоопределение и объявление своей независимости» (118).

Конечно, увидеть этот прорывающий сквозь строки о Достоевском подтекст сумел тогда не каждый читатель книги.

русских нянек <...> мы тем самым извлечем тогда пользу из нашей оригинальной русской способности европейского языкознания и многоязычия <...> только лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык <...> мы в состоянии будем в возможном совершенстве усвоить и язык иностранный <...> мы, на нашем еще не устроенном и молодом языке, можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков». (В сноске книги Червинскене ошибочно указаны с. 266–267 по изданию *ПСС Достоевского* в 10 т., СПб., 1894–1895 г., Т. 10; правильно: с. 268–269, что соответствует по цитируемому в этой статье изданию: XXIII, 80–81).

Однако то, что такие читатели были, свидетельствует рецензент Мажримас: «О каком конкретном режиме подумали читатели первого издания книги, прочитав следующие строки преподавательницы университета, думается, нет нужды объяснять: “Устами одного действующего лица – Шигалева писатель произносит жуткие слова о тоталитарном режиме в будущем обществе, в котором правящее меньшинство имеет неограниченные права, а большинство становится стадом без своего мнения, без собственных идей. Таланты подавляются, изгоняются или умертвляются. Абсолютное повиновение, основанное на страхе, за каждым установлена слежка и каждый должен следить за другими” [192]». И хотя «времена были беспокойные, достаточно было намека, аллюзии возникали ненароком» (261), Червинскене понимала, что далеко не каждый будет так читать ее книгу, а поэтому ввела в структуру своего текста рассуждения Достоевского из *Дневника писателя* за 1876 г. о современной ему действительности, соединив два высказывания из разных номеров журнала – за март и октябрь месяцы (при этом Червинскене не сочла нужным оговорить излюбленное исследователями Достоевского понятие «фантастический реализм»): «“Всегда говорят, что действительность скучна, однообразна <...>. Для меня, напротив: что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? <...> Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей [XXIII, 91]. <...> Действительно, проследите иной, даже

вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаз (подчеркнуто мной – М. В.), то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: *на чей глаз и кто в силах?* Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только заметить факт, нужно тоже в своем роде художника” [XXIII, 144]» (244). (Отметим, что выделенный писателем вопрос «*на чей глаз <...>?*», соотносящийся со словосочетанием *иметь глаз*, Червинскене перевела на литовский язык произвольно, несколько изменив его смысл, усилив момент остроты наблюдения, угадывания. Фразеологическое словосочетание *иметь глаз* (т.е. *быть наблюдательным*) в литовской версии звучит как *быть пронизательным* (“*įžvalgus*”: “*kas įžvalgus <...>?*”) вместо *быть наблюдательным*, хотя в литовском языке имеется сходный оборот речи “*turėti pastabią akį*”. Думается, что ошибиться в подборе слов при переводе в данном случае было просто невозможно, поскольку сам писатель в этом высказывании несколько раз употребил такие слова, как «наблюдатель», «собственное наблюдение», «для иного наблюдателя» – и некоторые из них повторил даже дважды.)

Это рассуждение о восприятии действительности как текста в книге Червинскене сопряжено с мыслью об ответственности писателя за действительность и сказанное им Слово. Данная мысль повторяется в книге неоднократно: «Кто же заметит факты и будет в них вникать? – спрашивает Достоевский, подчеркивая ответственность писателя» (240), «Достоевский чувствовал особую ответствен-

ность писателя: “Я всю жизнь работал из-за денег и всю жизнь нуждался ежеминутно; <...> но <...> я никогда не выдумывал сюжета из-за денег <...>. Я всегда обязывался и запродавался, когда уже имел в голове тему, которую действительно хотел писать и считал нужным написать” [XXIX кн. 1, 109]» (245). При этом чувство ответственности за происходящее и талант писателя спаяны в одно целое: «Мощь его таланта нетленна до тех пор, пока он сам служит правде. Это тайна искусства, его волшебное слово» (256). По утверждению Червинскене, Достоевский знал об этом. Такое убеждение исследователя основывается на высказывании самого писателя: «Или говорить правду, или погубить талант. Другого пути нету» (79). Эти слова Достоевского, цитируемые Червинскене без кавычек, воспринимаются как жизненное кредо и самого автора книги о русском писателе. Именно таким образом тема свободы vs несвободы творчества, актуальная почти во все времена, нашла свое отражение в книге Червинскене о Достоевском.

Все-таки главной темой и героем этой книги стал сам Достоевский – прежде всего как личность, как человек. И только потом – как писатель. Такой подход соответствовал существующему в те годы пониманию сущности филологической науки: «Одна из гл. задач человека – понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся “исчислению” вещь, ни в отражение собств. эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Фило-

логия есть служба понимания и помогает выполнению этой задачи»⁶⁰. Червинскене поставила перед собой задачу показать Достоевского «таким, какой он был на самом деле – человеком, имеющим и слабости, и титаническую внутреннюю мощь, человеком, <...> победившим и подавляющее влияние среды, и невзгоды своей собственной судьбы» (5), а решение этой задачи она апробировала в 1969 г. в статье «Тайна Достоевского».

Начав свою книгу с подробного, словно виденного ею воочию, описания каторжного острога, Червинскене прерывает его неожиданным противопоставлением монарха и «заживо похороненного» им писателя: «Тюрьма как тюрьма. Не стала бы она столь известна, если бы не пришло в голову одному из царей династии Романовых поместить здесь одну из величайших личностей той эпохи» (7). И почти тут же – первый ее штрих к портрету Достоевского, выделивший глаза и рот как главные внешние составляющие личности: «Стальной взгляд <...> сосредоточен, тонкие губы сжаты поволевому» (8). Одним росчерком пера, одной фразой Червинскене выявляет суть личности Достоевского и его творчества послекаторжного периода как противостояние внутренней духовной силы внешним, подавляющим дух, обстоятельствам, что нашло свое выражение на последующих страницах ее книги неоднократно, например: «Моральную силу человека, мощь совести в борьбе со злом писатель позже будет утверждать во всех своих произведениях. Он даже будет

абсолютизировать эту мощь: моральное совершенство человека он противопоставит политической борьбе, моральный закон будет считать самым главным законом бытия человечества» (69). И спустя десятилетие Червинскене в статье на русском языке для всесоюзного читателя подтвердит такое же понимание творчества Достоевского: «В художественном мире Достоевского <...> вершиной, с которой падает ответ на все остальное <...>, является *свобода личности*», «исключительный интерес Достоевского к нравственному “закону” также обусловлен утверждением им свободы личности»⁶¹.

Эту же идею как суть личности Достоевского на самых первых страницах своей книги подчеркнула Червинскене и в описании поведения писателя на заседаниях следственной комиссии по делу петрашевцев, и при цитировании его ответов. В «Объяснении Ф. М. Достоевского», написанном в ответ на требование комиссии изложить все подробности этого «дела», исследователь увидела «паспорт его личности» (17): «От болезненно-чувствительного, страдающего ипохондрией человека следственная комиссия предполагала получить раскаяние, отказ от “губительных” идей, и более всего – отсутствующие сведения. В обмен подсудимый мог надеяться на облегчение своей участи. Ведь стены Петропавловской крепости, кажется, не должны разглашать о его слабодушии... Но законы тюремной психологии о мощи инстинкта самосохранения не были властны над Достоевским» (17). Из этого «Объяснения»,

⁶⁰ С. С. Аверинцев, «Филология», *Краткая литературная энциклопедия*, Т. 7, Москва, 1972, стлб. 976.

⁶¹ Е. П. Червинскене, «Свобода личности в мире идей Достоевского», с. 68, 73.

в котором писатель настойчиво утверждал, что на вечерах у Петрашевского он говорил «о литературе <...>, о личности и об эгоизме» (XVIII, 128), Червинскене процитировала те фразы Достоевского, которые позволили соединить в единое целое мысль об ответственности гражданина перед своим отечеством, надежду на изменение действительности и ответственность писателя перед обществом. В «Объяснении» ею была выявлена и подчеркнута отрицательная оценка цензуры Достоевским: «“Мне грустно было, что звание писателя унижено в наше время <каким-то темным подозрением и> что на писателя уже заранее, прежде чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству” [там же, 123–124]» (18). Итоги поиска Червинскене «“неизменного” в Достоевском, того, чему писатель так или иначе оставался верным несмотря на эволюцию и противоречивость взглядов»⁶², совпали с выводом следственной комиссии: «Умный, независимый, хитрый, упрямый⁶³» (21). При этом Червинскене подчеркнула изначальное свободолюбие писателя: «Свобода и призванье – дело великое [XXVIII кн. 1, 78]» (39). Тем самым Червинскене, увидевшая особое значение идеи свободы личности в художественном мире Достоевского и сумевшая передать это при раскрытии его личности, своеобразно продолжила традицию восприятия творчества этого русского писателя, существовавшую в межвоенной Литве (П. Гуцайтис, П. Мантвидас, М. Мишкинис⁶⁴).

⁶² Е. П. Червинскене, «Тайна Достоевского», *Literatūra* XII (2), Vilnius, 1969, с. 7.

⁶³ Н. Ф. Бельчиков, Указ. соч., с. 86.

⁶⁴ См.: В. Masionienė, “F. Dostojevskis lietuvių kritikoje”, *Literatūrinis ryšių pėdsakais*, Vilnius, 1982, p. 47.

Рецензенты первого издания книги Червинскене испытывали определенное затруднение при определении ее жанра: «увлекательная биография» (Кубилюс), «беллетризированный монографический очерк» (Кузмицкас), «оригинальная монография»⁶⁵ (Масионене). Однако ни одно из этих определений не соответствует полностью жанру этой книги, которую нельзя отнести ни к книгам, предназначенным для «собратьев по цеху», ни к «сенсационным жизнеописаниям» великих людей, хотя в ней даны и моменты частной жизни писателя, и анализ некоторых из его художественных произведений. Не подходит к книге и определение «очерк жизни и творчества», в котором обычно дается объективный материал, не связанный с окружающей исследователя действительностью.

Книга Червинскене, построенная по принципу *стирания границ*, предназначалась для разных групп читателей: и для не обладающих соответствующей литературной компетенцией, и для стремящихся ее обрести, и, возможно, даже для ее имеющих. Но, прежде всего, она была рассчитана на первую читательскую группу, поэтому ее композиция основана на принципе *занимательности*. В первой части книги доминируют факты из жизни писателя, а во второй части, когда читательский интерес стабилизируется и появляется определенная гарантия, что книга будет прочитана до конца, невзирая на более сложную подачу материала, преобладает анализ художественного творчества. Поэтому следует говорить о синтезе, о сопряжении в этой книге

⁶⁵ В. Masionienė, там же, с. 61.

отдельных элементов романного повествования (Сибирь и каторга как завязка и экспозиция, ретроспективный рассказ об успехе первого произведения и детских годах *etc.*) и литературоведческого исследования. И хотя в книге Червинскене Достоевский раскрывается через психологическую, интимно-личную призму, от традиционных биографических романов книгу отличает и отбор биографического материала, и предельно простой, ясный, лаконичный язык. В свою очередь, литературоведческое исследование и характерный для него строгий научный стиль в этой книге эволюционировали в *литературу о литературе*, т.е. в яркие, живые картины жизни – частной и общественной, воссозданные исключительно на документальном материале.

Одновременно эта книга явила собой и некую неожиданную конкретную форму эстетического осмысления мира. Общеизвестно, что любая книга, любое исследование несут в себе черты индивидуальности ее автора, который зависит и от своего личностного, и от исторического опыта своего поколения. Не является секретом и то, что для части широкой читательской аудитории художественная литература (по-видимому, и *литература о литературе*) всегда будет сопоставима с реальной жизнью и, соответственно, будет служить ориентиром в процессе становления собственных ценностных критериев. Червинскене, руководствуясь не только чувством исследовательской честности, но и гражданским, национальным чувством, чувством долга по отношению к родной Литве, ее истории и народу, использовала при написании своей книги принцип *двойного*

кодирования, построив свою книгу на глубинном, скрытом противопоставлении двух тоталитарных действительностей – монархической, времен Достоевского, и своей собственной, социалистической. (Возможно, более широкое привлечение Червинскене книги Бахтина *Проблемы творчества Достоевского* способствовало бы и более явному проявлению такого «кодирования», поскольку книга Бахтина является не только исследованием поэтики Достоевского, но и «глубочайшей философией личности»⁶⁶, а тем самым – и философией общества на материале творчества этого писателя.) Подчеркнутая Червинскене тема свободы личности в мире идей Достоевского, а также тема личной ответственности за происходящее придали ее книге и особый оттенок делигитимизации существующего режима – именно так переплавился личностный опыт человека конкретной эпохи в пафос текста о личности и творчестве Достоевского.

Думается, однако, что сегодня юношество, которому адресовано второе издание, пойманное в сети опыта своего поколения и своего момента пребывания в истории, читая книгу Червинскене, подтекста не увидит, – структуры языка, как известно, по-разному понимаются в зависимости от контекстов соотнесенного с ним опыта. Возможно, поэтому Червинскене и завершила свою книгу о Достоевском словами самого писателя из его ответного письма студентам Московского университета от 18 апреля 1878 г. Эти слова

⁶⁶ Вадим Кожин, *Победы и беды России*, Москва, 2002, с. 343.

отразили воплотившееся в книге творческое кредо автора и оставили открытыми пути для собственного прочтения личности и творчества Достоевского будущими поколениями: «[Вы меня

вызывали сказать правду от сердца и совести;] я и сказал правду, как думал и как в силах был думать. Ведь никто не может сделать больше своих сил и способностей».

RETROSPEKTYVUS ŽVILGSNIS Į LIETUVIŠKĄ *DOSTOJEVSKĮ*: LITERATŪRINIŲ ISTORINIŲ TEKSTŲ SUVOKIMO PROBLEMA

Margarita Varlašina

Santrauka

Straipsnyje analizuojama E. Červinskienės studija *Dostojevskis*, gretinama pirma (1971 m.) ir antra (2004 m.) laida. Trumpai apžvelgiama F. Dostojevskio ir jo kūrybos recepcija carinėje bei sovietinėje Rusijoje, pabrėžiama, kad pagrindinė jo kūrybos tema – asmens laisvės vs nelaisvės problema buvo menkai svarstyta, kad SSRS cenzūra keletą dešimtmečių ribojo kai kurių jo tekstų leidybą bei tyrimus. Totalitarinės valstybės vykdytos ideologinės kultūros politikos dekonstrukcija išryškina tuometinę kūrybos nelaisvę ir literatūros tyrimų konjunktūrą. Lietuviškos knygos apie Dostojevskį savitumas atsiskleidžia lyginant su kitais sovietinio laikotarpio istoriniais tektais

apie jį. Tekstinė analizė atskleidžia Sibiro tremties (katorgos) – kaip rusų rašytoją ir jo kūrybos tyrinėtoją lietuvių literatūrologę vienijančio dėmens – svarbą nagrinėjamos knygos patosui ir rašytojo asmenybės interpretavimui. Cituojamos medžiagos parinkimas, kompozicija ir komentavimas atskleidžia knygoje *Dostojevskis*, esant asmens laisvės teigimą ir tuometinės santvarkos delegitimavimo lygmenį. Daroma išvada, kad šis lietuviško literatūrinio istorinio teksto apie Dostojevskį ypatumas yra esminis sprendžiant savitos E. Červinskienės studijos žanro problemą, ir leidžia ją priskirti prie *literatūros apie literatūrą* tekstų.

Получено: 2005, август
Принято: 2005, сентябрь

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
01513 Вильнюс
E-mail: margarita.varlasina@flf.vu.lt